

18.02.93

261

Вет. Москва. - 1993 - 18 февр.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ В СТОЛИЧНОМ ТЕАТРЕ

Я ХОРОШО помню, пожалуй, самое сильное впечатление от театра. Точнее — от жизни театра.

Было это невообразимо давно. Я работал в отделе литературы и искусства «Московской правды». И была суббота. В связи с чем мы с приятелем собрались вечером на рыбалку.

И вдруг днем звонит Анатолий Андреевич Колеватов, тогда — директор «Ленкома».

Здесь я должен дать маленькое пояснение. В те поры «солевая гастроль» была не принята. И вдруг всем нам в диковину в спектакле «Ленкома» «Живой труп» приехал принять участие актер из Киева Михаил Федорович Романов. И актер восхитительный, да и Федя Протасов и поныно мой любимый человек.

И вот я слышу в телефонной трубке буквально захлебывающийся голос обычно сдержанного, даже несколько чопорного Анатолия Андреевича. Сначала я ничего не мог понять. Он задыхался, буквально выкрикивал какие-то разрозненные фразы. Ясно было только, что он почему-то просит приехать.

Так вот в чем было дело. Оказывается, труппа оскорбилась — с чего это вдруг в их замечательный (что не совсем так) спектакль влезает гастролер? И они решили устроить Михаилу Федоровичу Романову обструкцию.

— Какая низость! — выкрикивал в телефон Анатолий Андреевич. — Такое отношение к великому артисту! Я вас очень прошу: приезжайте на спектакль, вы сами во всем убедитесь.

Рыбалка — дело святое. Но гнусность тоже достойна внимания. Вечером мы с моим приятелем сидели в зрительном зале «Ленкома».

Начался спектакль. Романов играет прекрасно. Актеры стоят, прохаживаются по сцене, исполняя роль говорящего реквизита. То есть вовремя подают свои реплики. Это было жутковатое зрелище. Если актер обращается к шкафу и разговаривает с ним в связи с гениальными намерениями драматурга, — это одно. Но если актер обращается к актеру, в тот не более выразителен, чем шкаф, — это уже несколько иное.

Я — человек по натуре не гневный. Но тут, да еще с поправкой

на молодость, меня обуюало отвращение к этим актерам. И я мысленно уже намечал пламенную статью, преисполненную возвышенных мыслей.

Время шло. Актеры маялись на сцене, суфлируя реплики. Романов всего этого словно и не замечал. Собственно, все это безобразие было даже в некотором роде в контексте всей пьесы — Федор ведь тоже был окружен статистами жизни.

Романов вел роль все мощнее и мощнее... И вот пошли звездные минуты Федеи.

И вдруг вот что я вижу. На сцене стоят актеры. Но это уже не актеры, а просто люди. И смотрят

они на Федора просто человеческими глазами. А у знаменитой актрисы в глазах слезы.

Я тогда еще не умел плакать в театре. Но бурю в моей душе запомнил на всю жизнь. Это была, конечно, великая работа Михаила Федоровича Романова.

И все померкло рядом с трагедией Федора. Вся суета, все пустое. Я даже забыл, зачем приехал. И ушел из театра сокрушенный и, если угодно, просветленный.

И не стал писать обо всем случившемся ни строчки. Зачем? Романов победил предавшихся было суете актеров. Вернее, не победил, а вернул им /их людское.

Вот так в моей памяти и остались два благородных человеческих таланта — Федор Протасов и Михаил Романов. А остальное — забыть и вычеркнуть.

Мы с приятелем вышли из театра и поехали дальше, на рыбалку. Хорошо быть молодым! Когда еще веришь, что добро обязательно победит. Да к тому же в этом и убеждаешься.

Эдуард ГРАФОВ.

Фото Р. ФЕДОРОВА.

Романов М. Ф.